

СЛОЙ за СЛОЕМ

О. Мэйс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О. Мэйс

Слой за слоем

<https://litres.ru/74026588>

SelfPub; 2026

Аннотация

Брак археолога Алексея Соколова рушится. Вместо того, чтобы разобраться, он уезжает в степную экспедицию — подальше от жены, юриста и собственной трусости. Но прошлое не отпускает. А на раскопе появляется молодая аспирантка, которая не боится смотреть в глаза и задавать неудобные вопросы.

Слой за слоем — в земле и в душе. Сбежать от себя невозможно. И однажды придется ответить за все.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

О. Мэйс

Слой за слоем

Глава 1

Проснулся от того, что телефон вибрирует как сумасшедший. Лежал с закрытыми глазами, слушал. Гудят моторы где-то внизу, за стеной барака — это раньше времени запустили генератор. Значит, день обещает быть жарким. Телефон не унимался. Я знал, кто звонит, еще до того, как посмотрел на экран. Маша.

Открыл глаза. Потолок из грубых досок, паутина в углу. Пахнет пылью, старым деревом и тем специфическим запахом раскопа — смесью влажной глины и чего-то древнего, что не назвать. Вздохнул в итоге и взял трубку.

— Алло.

— Ты вообще собираешься отвечать? — ее голос был как натянутая струна, готовая лопнуть. Сразу с утра. — Я вчера три раза звонила.

— Здесь плохо ловит. Только что увидел пропущенные, — соврал я. Не соврал даже, а просто отложил разговор на неопределенный срок. В очередной раз.

— Ну конечно. У тебя всегда плохо ловит, когда я звоню. А начальству ты, наверное, сутки напролет рапорты шлешь?

— Маша говорила быстро, слова сыпались, как горох. — Ты понимаешь, что завтра встреча с юристом? Понимаешь, что тебя там не будет? Опять!

Я сел на койке, потер лицо ладонями. По коже прошла знакомая рябь — смесь вины и дикого раздражения.

— Маш, я же говорил уже. Это важный раскоп. Городище, которого нет на картах. Первый сезон. Я не могу сейчас просто взять и уехать.

— Важный! — фыркнула она. — А наша жизнь, наш развод — это неважно? Это по какому-то остаточному принципу? Приехал бы, подписал бумаги и укатил обратно к своим черепкам и кисточкам. Но нет, ты даже на это выделить три дня не можешь.

Мне стало душно. Я встал, подошел к единственному маленькому окну, затянутому пыльной сеткой. На улице уже копошились ребята, разбирали инструмент. Мое место, мой порядок. Здесь я понимал, что к чему. Слои за слоем, век за веком. Все логично. А там, в городе, в нашей квартире — один сплошной хаос из обид и постоянных претензий.

— Я приеду, как только закончим этот участок. Честно.

— Не надо мне этих твоих честно! — голос ее сломался. Не знаю, от злости или от чего-то еще. — Знаешь что? Делай что хочешь! Я все решу сама. Будешь потом извещения по почте получать.

Щелчок. И тишина. Только гул генератора и приглушенные голоса с улицы.

Вот и все. Очередной акт нашей драмы завершился. Не ссорой даже, а какой-то изможденной капитуляцией с ее стороны. От этого стало еще гаже. Как будто я выиграл этот раунд, но проиграл все, что было до него.

Вышел из барака. Воздух был свежий, пахло полем и дизельным выхлопом. Лагерь стоял на окраине старой деревни, в степи. Кругом — ни души, только ветер гуляет по высокой траве. Мое царство — царство тишины и мертвых камней.

Ко мне подошел Сергей, мой заместитель, с двумя кружками чая. Лицо у него было понимающее.

— Опять? — протянул он мне одну кружку.

— Ага, — я сделал большой глоток. Обжегся, но было даже приятно. Конкретная, простая боль. — Да, ничего. Работать все равно надо.

— Кстати, насчет работы, — Сергей хмыкнул. — Из Питера сегодня помощница приезжает. Аспирантка кафедры. Марьянова, кажется. Ее рекомендовал Иванов.

Я поморщился. Иванов — наш научный консультант, большой начальник. Любит подкидывать перспективную молодежь, которая чаще всего только мешается под ногами. Теоретики хреновы.

— Надолго?

— Говорит, на месяц. Ну, посмотрим. Молодая, горячая, наверное. Ты только не пугай ее своим ворчанием с утра.

— Я не ворчу, — пробурчал я. — Я просто требую соблюдения регламента.

Через пару часов подъехал УАЗик. Из него вышла девушка лет двадцати пяти, не больше. Худенькая, в походных штанах и куртке, но с какой-то городской аккуратностью. Волосы темные, собраны в хвост. Лицо умное, внимательное. Сразу видно — не полевая работница.

Подошла напрямиком ко мне, представилась: «Анна Марьянова». Руку пожала крепко, взгляд прямой. Девушка — эдакое шило.

— Алексей Николаевич, — кивнул я. — Рад встрече. Идемте, покажу ваш угол и план работ.

Повел ее по лагерю, потом к раскопу. Большая квадратная яма в земле, несколько уровней, расчерченные шнурами квадраты. Ребята сидели на корточках, аккуратно счищали грунт кисточками и ножичками.

— Вот основной участок, — сказал я. — Снимаем слой XIV века. Пока в основном попадается бытовой мусор, керамика. Но вон там, у края, нашли основание постройки. Возможно, кузница.

Она внимательно смотрела на все, иногда кивала.

— Какова методика фиксации? — спросила она.

— Стандартная. Фотограмметрия каждого горизонта, описание на месте. Ничего без занесения в полевой дневник не трогать. Никакой самодеятельности, — я специально сделал ударение на последнем слове.

— Я понимаю, — сказала она спокойно. — У меня есть

свои наработки по стратиграфии. Могу показать.

— Потом, — отрезал я. — Сначала освоите нашу методику. Начнете с квадрата С-4. Поможете Василию, он там керамику разбирает. Задача — очистить, промаркировать, сложить в кассеты. Всякую мелочь — в пакеты с подписью.

Она посмотрела на указанный квадрат, потом на меня. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на вызов.

— Хорошо. Покажете, как у вас принято «очищать»?

Я почувствовал, как меня это бесит. Эта уверенность, эта снисходительная улыбка. Еще ничего не сделала, а уже пытается умничать.

— Кисточкой, Анна, — сказал я сухо. — Сверху вниз, легкими движениями. Как будто боитесь разбудить то, что лежит в земле. Потому что иногда это и правда просыпается.

Я сказал это просто, чтобы ее немного позлить, вставить что-то иррациональное в наш строго научный диалог. Но, произнеся эти слова, я вдруг сам их почувствовал. Эта мысль витала здесь всегда, с самого начала раскопок: что мы копаем не просто землю, а тревожим чей-то глубокий сон.

Она на секунду задумалась, ее взгляд скользнул по оранжевым пластам глины.

— Хорошая метафора, — тихо сказала она и, не дожидаясь меня, спустилась в раскоп, к Васе.

Я остался стоять на краю. Сверху было видно, как она ловко устраивается на коленях, как берет в руки кисточку — не как диковинную игрушку, а как уже знакомый инструмент.

Движения ее были точными и уверенными.

В кармане снова завибрировал телефон. Наверное, Маша или юрист. Вопросы из того мира, на которые у меня до сих пор не было ответов.

А здесь, в тишине раскопа, под степным солнцем, прошлое лежало неподвижным, но живым слоем. И теперь рядом со мной была эта девушка, которая, кажется, не боялась его будить. А я боялся. Не прошлого. А того, что оно может мне сказать...

_ * _ * _ * _

День прошел в привычном, почти механическом ритме. Я делал обход, проверял чертежи, принимал решения по ходу работ. Но часть внимания была прикована к квадрату С-4. К ней.

Анна работала молча и достаточно сосредоточенно. Я несколько раз проходил мимо, бросал взгляд. Она не ковыряла землю, как это часто делают новички, а именно вела кисточкой, как я и говорил — плавно, сверху вниз. Движения были выверенными, почти медитативными. Вася, обычно ворчливый, пару раз что-то ей пояснял, она кивала, не отрываясь от работы. Это бесило меня еще больше. Почему с ним она общается нормально, а со мной — с той самой усмешкой в глазах?

К вечеру, когда солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая степь в багрянец, я подошел к ее квадрату. Она как раз аккуратно складывала в пластиковую кассету осколки ке-

рамики.

— Ну как? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Интересно, — она подняла на меня взгляд. Лицо было уставшим, в мелких морщинках от пыли и пота. Но глаза горели настоящим азартом. — В этом слое попадается уголь. Причем много. И керамика вся со следами нагара. Ваша теория про кузницу подтверждается.

— Это не теория, это рабочая гипотеза, — поправил я. — Завтра будем разбирать завал камней в углу. Посмотрим, что под ним.

— Я могу помочь? — спросила она быстро.

— Посмотрим, — уклончиво ответил я. — Сначала разберитесь с керамикой.

Она не стала спорить, лишь кивнула и вернулась к работе. Я видел, как ее пальцы, осторожные и в то же время уверенные, обводили кончик одного из черепков, будто пытаюсь разгадать загадку прошлого.

_ * _ * _ * _

Вечером, после ужина в общей столовой — кашеобразной гречки с тушенкой — я сидел на пороге своего барака, курил. Воздух остыл, пахло полынью и дымом костра, который ребята разожгли неподалеку. Из кармана снова пиликал телефон. Маша. На этот раз не звонок, а сообщение:

«Прислала тебе на почту соглашение. Посмотри. Хотя бы это сделай»

Я закрыл глаза, сделал затяжку. Голова была тяжелой. От работы, от утреннего разговора, от всего этого. Внутри все опять сжалось в комок. Юрист. Соглашение. Раздел имущества. Наша квартира, которую мы выбирали вместе, книги, которые собирали годами, даже дурацкая кофемашинка, из-за которой мы постоянно спорили, кто будет ее мыть. Все это теперь нужно было делить, как делят груды хлама бомжи на помойке — превратить совместную жизнь в пункты договора.

— Можно?

Я вздрогнул и открыл глаза. Передо мной стояла Анна. В руках она держала полевой дневник и планшет.

— Что случилось? — спросил я, возможно, слишком резко.

— Хотела показать те самые наработки. Вы же говорили «потом». Сейчас как раз «потом».

Я хмыкнул. Наглость, конечно. Но в ее тоне не было вызова, лишь деловая настойчивость.

— Ладно, показывайте.

Она села рядом на обрубок бревна, открыла планшет. Пахло от нее не степью и пылью, а каким-то легким, цветочным мылом. Чужой, городской запах, непривычный для здешнего мира.

— Смотрите, — она провела пальцем по схеме. — Ваша стратиграфия классическая, но здесь, на стыке квадратов В-3 и С-4, есть аномалия. Слой с углем проседает, а под ним

— более светлая супесь. Как будто была яма, которую потом засыпали.

Я присмотрелся. Чертеж был сделан аккуратно, с пониманием дела. И главное, она была права. Я эту аномалию видел, но списал на более поздние перекопы. А она, взглянув свежим взглядом...

— Это могла быть яма от столба, — сказал я, стараясь сохранить скепсис, — или просто рытвина.

— Возможно, — она не стала спорить. — Но посмотрите на состав находок вокруг. Здесь много шлака, а вот в этом провале — нет. Зато есть вот это.

Она протянула мне небольшой полиэтиленовый пакетик. В нем лежал крошечный, не больше ногтя, обломок бронзы. Кусочек тонкой проволоки, свернутой в колечко.

— Серьга? — предположил я, вращая пакет в руках.

— Или часть чего-то большего. Но факт в том, что она лежала именно в этом светлом слое, не в кузнечном, а ниже. Значит, либо кузницу построили на месте более раннего поселения, либо...

— Либо это не просто хозяйственная яма, — закончил я за нее.

Мы сидели в наступающих сумерках. Где-то в степи завывал одинокий шакал. Я смотрел на этот крошечный обломок, который она нашла. Кто-то его потерял сотни лет назад. Мужчина? Женщина? Он или она вообще заметили потерю? Для нас это теперь — загадка, ключ к чьей-то прожи-

той жизни.

— Хорошая работа, — сказал я наконец, отдавая пакетик обратно. Это далось мне нелегко. — Завтра с утра начнем расчистку этого участка. Будете работать со мной, — она улыбнулась. Не победно, а скорее — с облегчением.

— Спасибо. Я не подведу.

— Посмотрим, — буркнул я, но уже без прежней желчи.

Она ушла, а я остался сидеть со своей тлеющей сигаретой. Сообщение от Маши все еще светилось на экране телефона, но почему-то сейчас оно не вызывало в груди той привычной, гнетущей тяжести. Было чувство, будто я нырнул глубоко под воду, в прохладную тишину, где не слышно криков с поверхности. А эта девушка, Анна, нырнула рядом. И мы молча, кисточками, расчищали один и тот же таинственный слой, пытаясь понять, что же здесь произошло. И в этой тишине не было места скандалам и дележкам. Было только прошлое, которое медленно, крупница за крупницей, просыпалось и начинало на нас смотреть.

Глава 2

Следующие три дня пролетели как один долгий, выматывающий и странно пьянящий день. Мы работали вдвоем на участке стыка квадратов В-3 и С-4, снимали тот самый загадочный слой, который Анна определила как аномалию.

Я привык работать один. Ну, не один, конечно — рядом всегда были ребята, но они делали то, что я скажу: расчищали, фиксировали, маркировали. Моя работа была другой: смотреть, понимать, принимать решения. И вот теперь рядом оказался кто-то, кто не просто выполнял указания, а видел то же, что и я. Иногда даже раньше.

— Смотрите, — она сидела на коленях у самого края углубления, кисточка замерла в сантиметре от грунта. — Здесь плотность меняется. Как будто... граница чего-то.

Я присел рядом. Пахло от нее опять этим легким цветочным ароматом, смешанным с потом и землей. Я отогнал неуместное ощущение близости, сосредоточился на квадрате раскопок.

— Дай-ка, — я взял у нее из рук тонкий щуп, аккуратно воткнул в отмеченное место. Грунт шел мягко, а потом — щелчок. Что-то твердое.

Мы переглянулись.

— Дерево? — предположила она.

— Или кость, — ответил я. — Отойди-ка.

Я начал работать ножом, снимая грунт миллиметр за миллиметром. Анна не отошла, наоборот, придвинулась ближе, дыша мне в плечо. Через пятнадцать минут проступил край — темный, почти черный, с характерной трухлявой структурой.

— Дерево, — выдохнула она. — Крупный фрагмент... Часть перекрытия?

— Не торопись, — сказал я, хотя у самого сердце стучало быстрее. — Может быть и днище. Нужно расширить участок.

Она кивнула и, не дожидаясь команды, взяла вторую кисточку. Мы работали молча, синхронно, как будто делали это вместе уже много лет. Я двигался слева, она — справа, и наши руки иногда сталкивались, касались друг друга. Каждый раз она отдергивала пальцы первой, но в следующий момент снова тянулась к тому же месту.

Я ловил себя на том, что жду этих касаний.

_ * _ * _ * _

К обеду мы расчистили поверхность фрагмента. Это была доска. Широкий, почти в ладонь толщиной обрезок дерева, лежащий под наклоном. Ниже, под ним, темнела пустота.

— Полость, — сказал я, выпрямляя спину. Она болела после четырех часов на корточках, но сейчас я этого почти не замечал. — Под доской — пустота. Значит, это не просто строительный мусор.

— Тайник? — в голосе Анны прозвучало что-то детское,

восторженное.

— Или захоронение, — я специально сказал это холодно, чтобы немного остудить ее пыл. — Не строй воздушные замки. Сначала зафиксируем, потом поднимем.

— Конечно, — она кивнула, но глаза продолжали гореть.

Я отошел к краю раскопа, достал телефон. Двенадцать пропущенных. Два от Маши, остальные — неизвестные номера. И сообщение:

«Алексей, завтра в 11:00 видеоконференция с юристом. Будьте онлайн. Игнорирование не освобождает вас от обязательств»

Я сунул телефон обратно в карман. Завтра, прямо посреди рабочего дня. Блестяще придумано.

— Все в порядке? — голос Анны раздался совсем рядом.

Я обернулся. Она стояла в двух шагах, вытирала руки влажной салфеткой. Лицо у нее было встревоженное, даже немного виноватое — как будто она поймала меня за чем-то постыдным.

— Все нормально, — сказал я слишком резко. — Рабочие моменты, — она не поверила мне, я это видел. Но лезть с расспросами не стала.

— Идемте обедать? — спросила она просто. — Вы с утра ничего не ели.

Я хотел сказать, что сам решаю, когда мне есть, но она уже развернулась и пошла к столовой, не оборачиваясь. И я, сам не понимая почему, пошел за ней.

За обедом в столовой было шумно. Ребята обсуждали находки, травили байки, спорили о футболе. Анна сидела напротив меня, ела гречку сосредоточенно и молча, но я чувствовал ее взгляд. Она смотрела, когда думала, что я не вижу.

Сергей подсел к нам, пододвинулся к Анне ближе, чем требовалось.

— Ну что, Марьянова, — он улыбнулся той своей мягкой, располагающей улыбкой, которая у него получалась так легко. — Не загоняет тебя наш начальник?

— Все отлично, — ответила Анна вежливо, но без тепла. — Алексей Николаевич очень внимательный руководитель.

— Ой, внимательный, — Сергей хмыкнул, покосился на меня. — Это он с вами такой. А с нами, стариками, знаешь как? «Сергей, где план? Сергей, почему не зафиксировали? Сергей, а ну-ка переделай!»

— Ты план до сих пор не сдал, — напомнил я сухо.

— Вот, видишь? — Сергей обратился к Анне, но она уже смотрела в свою тарелку. — Тиран! Но ты держись. Если что — я на подхвате, — он положил ладонь на стол рядом с ее рукой. Она аккуратно убрала руку, взяла кружку с чаем.

— Спасибо, я как-нибудь сама справлюсь.

Сергей не обиделся, только усмехнулся и переключился на разговор с Васей, который обедал за соседним столом. Но я заметил, как его взгляд скользнул по фигуре Анны — оценивающе, по-хозяйски. Мне стало неприятно. Не ревностно

— нет, она мне никто. Просто... неуважительно это как-то к работе и к ней.

_ * _ * _ * _

После обеда мы вернулись в раскоп. До вечера расчищали края доски, снимали грунт вокруг, документировали каждый сантиметр. Анна работала с фотограмметрией, делала снимки под разными углами, заносила данные в планшет. Я видел, как она иногда отвлекается, смотрит на меня, потом отводит взгляд.

К вечеру, когда солнце уже садилось и работать без фонарей стало невозможно, я объявил перерыв до утра.

— Завтра будем поднимать доску, — сказал я, когда мы вылезли из раскопа. — Нужно будет аккуратно, с подпорками. Я покажу как.

— Я поняла, — она стояла рядом, отряхивала колени. — Алексей Николаевич...

— Леша, — поправил я ее, сам не зная зачем. — В неформальной обстановке можно просто Леша, — она улыбнулась — первый раз за день искренне, без этой вежливой маски.

— Леша, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Я хотела спросить. Вы... вы всегда такой отстраненный?

— Какой есть, — я пожал плечами. — А что, не нравится?

— Не то чтобы не нравится, — она отвела взгляд. — Просто... иногда кажется, что вы здесь, но на самом деле вы где-то очень далеко. И это... это интересно. Что там, в этой дали.

Она смотрела на меня пристальнее обычного. В ее глазах

было что-то такое, от чего у меня внутри екнуло. Не вовремя. Совсем не вовремя.

— Там ничего интересного, — сказал я глухо. — Там просто старые долги и обязательства.

Она хотела спросить что-то еще, но я развернулся и ушел к себе в барак, не оборачиваясь. Сел на койку, долго смотрел в стену. Потом достал телефон, перечитал сообщение от юриста. Написал Маше:

«Завтра в 11 смогу выйти на связь. Ничего не изменилось?»

Ответ пришел через минуту, короткий и будто бы злой:

Мария: *«Ничего не изменилось. Ты как был далеко, так и остался. Завтра просто подпишешь то, что уже решено без тебя»*

Я выключил телефон, отбросил его в сторону. Закрыв глаза.

За стеной слышны были голоса — кажется, Сергей и Анна о чем-то разговаривали. Она смеялась — негромко, вежливо. Потом шаги ее удалились в сторону палаток.

Я лежал и слушал, как шумит ветер в степи. Генератор давно выключили, и тишина стояла почти полная. В такой тишине слышно, как бьется собственное сердце. Оно стучало нервно, сбивчиво, как будто пыталось мне что-то сказать.

Я не хотел его слушать.

_ * _ * _ * _

Утром, еще до завтрака, я отправил ребят на зачистку со-

седних квадратов, а сам с Анной остался у доски. Мы аккуратно подвели под нее лопатки, установили деревянные подпорки. Она работала сосредоточенно, не отвлекаясь, и я почти забыл о вчерашнем разговоре.

— Поднимаем на счет три, — сказал я. — Раз, два, три!

Доска поддалась тяжело, с влажным, чавкающим звуком. Под ней оказалась яма — правильной, почти прямоугольной формы, глубиной сантиметров сорок. И на дне — что-то темное, поблескивающее.

— Кожа, — прошептала Анна, наклоняясь. — Нет, погодите... металл.

Я достал фонарик, осветил. На дне ямы лежали предметы, завернутые в истлевший кусок кожи или плотной ткани. Сквозь прорехи виднелась бронза и темный, почти черный металл.

— Не трогать! — сказал я, перехватив ее руку, уже тянущуюся к находке. Пальцы сомкнулись на ее запястье — тонкое, горячее, пульсирующее. — Сначала фиксация в том виде, как есть. Фотографии, описание, координаты. Потом — извлечение, слой за слоем.

Она посмотрела на мою руку, потом мне в глаза. Отвела взгляд, быстро кивнула.

— Хорошо. Я поняла.

Я отпустил ее запястье, но ощущение ее горячей кожи осталось на пальцах.

Она влюблялась. Я это видел по тому, как она смотрела,

как искала моего взгляда, как поправляла волосы, когда я подходил к ней. Это было и трогательно, и страшно одновременно. Потому что я не мог ответить взаимностью. Не имел права. У меня была жена, развод и куча дерьма, которую я даже не начал разгребать. Но когда она улыбалась, я забывал, зачем вообще приехал в эту степь.

_ * _ * _ * _

К вечеру, когда находки были извлечены, упакованы и отправлены в полевую лабораторию, я сидел один у костра. Ребята уже разошлись по палаткам, только Сергей маячил у столовой, курил. Я заметил, как он поглядывает в сторону женских палаток, но Анна не выходила.

— Леша, — голос раздался из темноты. Она подошла бесшумно, села рядом. — Можно?

— Садись.

Она протянула мне кружку — горячий чай с травами, которые были собраны здесь, в степи. Я взял, поблагодарил кивком. Хороший чай. Горьковатый, с привкусом полыни и чего-то неуловимо сладкого.

— Вы сегодня весь день как натянутая струна, — сказала она тихо. — Я заметила.

— Работа такая, — ответил я коротко.

— Это ведь не только из-за работы.

Она не смотрела на меня. Смотрела на костер — на танцующие языки пламени. Профиль у нее был красивый — четкая линия скулы, изгиб шеи, выбившаяся из хвоста прядь

волос. В свете костра она казалась древней, как эти курганы в степи, и в то же время по-детски беззащитной.

— А что еще? — спросил я, хотя ответ знал. Она помолчала, покусывая губу.

— Не знаю. Мне кажется, вы здесь... прячетесь. От чего-то или от кого-то.

Я хмыкнул. До чего же наблюдательная. Или просто женская интуиция — эта штука, которая видит насквозь, даже когда ты молчишь?

— Может быть, — сказал я уклончиво. — А ты что здесь забыла, Марьянова? У тебя вся жизнь впереди. Город, карьера, перспективы. Зачем тебе это? — я обвел рукой лагерь, степь и бескрайнее небо над головой.

— А вам зачем? — ответила она вопросом на вопрос.

— Я старый, — усмехнулся. — Мне уже терять нечего.

— Вы не стары́й, — сказала она серьезно, даже строго. —

И это неправда про нечего терять.

Она повернулась ко мне, и теперь смотрела прямо. Взгляд у нее был твердый, но в глубине — что-то дрожащее, неуверенное. Как будто она сама не верила в свою смелость, но пересиливала себя.

— Леша, — она произнесла мое имя без отчества, специально, с каким-то интимным оттенком. — Можно я спрошу?

— Спрашивай, — я кивнул.

— Вы замечаете меня? Ну, не как помощницу. А просто... как человека. Как девушку.

Костер треснул, выбросил сноп искр. Я смотрел на нее и понимал, что не могу соврать.

— Замечаю, — она выдохнула — как будто готовилась к худшему, а услышала лучшее.

— И что вам во мне замечается? — Анна улыбнулась.

Вопрос прозвучал почти кокетливо, но без дешевого флирта. Скорее — робкое любопытство, желание понять, что происходит у меня в голове. Я усмехнулся. Давно меня никто не спрашивал о таком так прямо.

— Слишком много вопросов для одного вечера, — сказал я, но без обычной резкости.

— А у нас только вечер, — ответила она, — и ночь. Завтра с утра опять работа, доска, находки. Не до разговоров будет.

Она подвинулась ближе. Теперь нас разделяла ладонь. От нее пахло степью, чаем и тем самым цветочным мылом — единственным городским, что в ней еще осталось.

— Ты чего добиваешься, Аня? — спросил я тихо. Вопрос прозвучал тяжелее, чем я хотел, почти обвинительно. Но она не отшатнулась, выдержала мой взгляд.

— Ничего, — сказала она легко. — Я просто хочу понять, что между нами происходит. Потому что мне кажется, что что-то точно происходит. Или я себе это придумываю, — она горько усмехнулась. — У меня это бывает. Я могу придумать целую историю из ничего.

— Не придумываешь, — сказал я, сам удивившись своим словам.

Она замерла. В глазах вспыхнуло что-то... — надежда? радость? — и тут же спряталось за маской спокойствия.

— Правда?

— Правда, — я отвел взгляд, посмотрел на угли. — Но это ничего не меняет. Ты здесь на месяц. Я здесь на сезон. А потом — каждый своей дорогой.

— А зачем загадывать на потом? — ее голос стал тише, превратившись почти в шепот. — Зачем думать о том, что будет через месяц, если есть сегодня?

Я повернулся к ней. Она была близко — слишком близко. Я видел отблески огня в ее глазах, легкий румянец на скулах, родинку возле губы, которую не замечал раньше.

— Ты слишком смелая для аспирантки, — сказал я.

— А вы слишком осторожный для мужчины, которому ничего терять, — парировала она.

Я не нашелся, что ответить, потому что она была права. Я врал себе про «ничего терять». Было что — слишком много всего. И меньше всего я хотел впутывать в это ее — молодую и живую, у которой все еще впереди.

Но она смотрела на меня, и в ее взгляде не было ни жалости, ни вызова. Было только желание — просто побыть рядом, разделить этот костер, эту степь, эту тишину... данное нам здесь время.

— Расскажите мне что-нибудь, — попросила она, отодвигаясь чуть-чуть, давая нам обоим передышку. — О раскопе. О том, что мы нашли. О чем говорит эта доска и этот сверток.

Я усмехнулся. Легко переключилась, ловко ушла от опасной темы, но не ушла совсем — оставила дверь приоткрытой.

— Что ж, — сказал я, подкидывая в костер сухую ветку, — смотри сюда.

Я взял палку, начал чертить на земле схему.

— Доска перекрывает яму. В яме — сверток. Кожа или береста, пока не развернем. Но то, что блестит сквозь прорехи — бронза и железо. Если это погребение, то вещи должны сопровождать скелет. Но костей мы не видели. Значит...

— Значит, это тайник? — подхватила она. Глаза ее снова горели — уже не от смущения, а от настоящего, живого интереса.

— Или жертвенный дар. Или просто узелок с добром, который хозяин спрятал от непогоды и забыл, где зарыл, — я пожал плечами. — Узнаем, когда развернем в лаборатории. Терпение, Марьянова. Наша работа — не находить, а понимать. А понимание требует большего времени.

— Скучно вы живете, Алексей Николаевич, — сказала она с улыбкой. — Все вам «терпение» да «время».

— Зато без сожалений, — ответил я.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, хотела что-то сказать, но передумала. Только улыбнулась — странно, почти печально.

— Не без, — сказала она тихо. Так, что я едва расслышал за треском костра. — Совсем не без.

Мы сидели молча. Костер догорал, угли розовели в темноте. Где-то за лагерем перекликались ночные птицы. Ее рука лежала на бревне рядом с моей — не касалась, но была так близко, что я чувствовал ее тепло.

Я мог бы убрать свою руку. Отодвинуться. Сказать, что поздно и завтра рано вставать.

Но я не сделал ничего из этого.

Глава 3

Была суббота. Первый выходной за десять дней.

Я проснулся позже обычного — часов в девять, когда солнце уже всюю пекло сквозь щели в дощатой стене. Лежал, смотрел в потолок, слушал тишину. Генератор молчал — Сергей распорядился дать мотору отдых, да и нам всем заодно.

В голове было странное, непривычное спокойствие. Никто не звонил. Я специально проверил телефон — ни пропущенных, ни сообщений. Маша, видимо, тоже решила взять выходной от войны. Или просто готовилась к новому удару. С нее станется.

Вылез из барака, зажмурился от яркого солнца. Лагерь жил своей неспешной выходной жизнью: ребята сидели у столовой, пили чай, кто-то стирал вещи в тазу, кто-то чинил инструмент. В воздухе пахло жареным хлебом и вареной сгущенкой — роскошь, которую Сергей привез из последней поездки в райцентр.

— Алексей Николаевич! — окликнул меня Вася, молодой парень, вечно лохматый и вечно улыбающийся. — А правда, что сегодня купаться идем? — я удивился.

— Купаться? Это куда?

— Сергей Дмитриевич сказал, тут в двух километрах речка есть. Не глубокая, но прохладная. И рыба там, говорит,

водится. Правда, мелкая, но если захотим уху...

Я нахмурился. С одной стороны — рабочий процесс не терпит простоев. С другой — выходной есть выходной. И ребята его заслужили.

Сергей появился как из-под земли — бодрый, в чистой футболке, с упаковкой пластиковых стаканчиков в руке.

— Слышал, о чем говорят? — он подошел ко мне, протянул стаканчик с дымящимся чаем. — Идея здравая. Отдохнем, проветрим головы. Я тут у местных узнал — речка нормальная, песчаный берег, омуток есть. Благода-а-ать.

— И алкоголь? — прищурился я. Сергей развел руками с невинным видом.

— Кто ж говорит про алкоголь? Легкий, культурный отдых. Спирт у нас только для протирки находок. А вот термос с травяным чаем — это да. И пирожки с капустой, которые наши красавицы-лаборантки напекли... — он покосился в сторону, где Анна и еще две девушки собирали рюкзаки. — Кстати, Марьянова твой бинокль взяла. Сказала, птиц в степи смотреть. Романтичная она особа, однако.

Я проследил за его взглядом. Анна стояла в легком сарафане поверх футболки — первый раз я видел ее не в походной униформе. Ноги загорелые, сандалии, волосы чуть распущены и собраны в низкий хвост. Городская девушка на пикнике. Сергей тоже смотрел, и взгляд у него был... ну да, такой же, как на находку в раскопе — с интересом и легким прищуром охотника.

— Ты бы, Серег, занялся организацией, — сказал я сухо.

— Еды, воды, аптечку. И чтоб без дураков.

— Будет исполнено, — козырнул он и ушел, бросив последний взгляд на Анну.

- * - * - * -

До речки шли по степи, узкой тропой, протоптанной скотом. Июльская трава шуршала по колено, кузнечики стрекотали, жаворонки висели в небе невидимыми точками и заливались в песнопении. День был жаркий, но с легким ветерком — сам бог велел идти к воде.

Компания собралась человек восемь: я, Сергей, Анна, Вася с тихим рыжим напарником Семеном, Денис — наш техник, вечно серьезный и сосредоточенный, и еще две девушки-студентки из группы — лаборантки.

Я шел чуть позади всех, курил на ходу, рассматривал степь. Анна сначала держалась ближе к девушкам, но постепенно сбавила шаг и поравнялась со мной.

— Ну как вам план на день, Алексей Николаевич? — спросила она игриво.

— Это вы подбили Сергея на эту авантюру? — прищурился я.

— Я? — она округлила глаза, но в уголках губ дрожала улыбка. — Что вы, я человек скромный и тихий. Не пью, не курю, спокойно на бревне сижу около палатки.

— И птиц в бинокль рассматриваете.

— И птиц, — кивнула она серьезно. — А что? Вы не лю-

бите птиц?

— Люблю, — усмехнулся я. — Но подозреваю, что вы будете смотреть не только на птиц.

— А на кого же еще?

Она смотрела прямо, и я опять поймал себя на том, что не могу выдержать ее взгляда дольше пары секунд. Отвел глаза.

— Не знаю. На кого захочется.

Впереди зашумели, закричали — показалась река.

Она оказалась не широкая, метров десять, но с чистой, прозрачной водой, с отмелью и с противоположным берегом, поросшим ивами. Песчаный пляжик был небольшим, но на нашу компанию хватало. Кое-где из воды торчали гладкие, обкатанные камни.

Ребята сразу рванули к воде, раздеваясь на ходу. Девчонки — в сторону, на мелкое место, искать ракушек, как я понял. Денис молча расстелил плед и стал доставать термосы и пирожки. Сергей, конечно, оказался рядом с Анной, помог ей с рюкзаком, что-то сказал — она засмеялась.

Я отошел чуть в сторону, сел на большой плоский камень. Достал сигарету, вновь закурил. Смотрел, как вода блестит на солнце, как парни заходят по пояс, как девушки визжат от холода — вода в речках всегда холодная, даже в середине лета.

Анна скинула сандалии, зашла в воду по щиколотки. Постояла, привыкая. Потом — смелее, по колено, по бедро. Сарафан намок, прилип к телу. Сергей, уже в плавках, подошел

к ней, что-то сказал — и она звонко рассмеялась, плеснула в него водой.

Я отвернулся. Потому что смотреть на них в этот момент было неприятно.

Сергей плавал, нырял, показывал, какой он молодец и удалец. Анна держалась чуть в стороне, но участвовала в общей возне. Потом все вышли на берег, сушились, ели пирожки. Кто-то достал гитару — я и не знал, что Вася играет. Поплыли незатейливые дворовые песни про костры и дороги.

Я сидел в стороне, пил чай из термоса, делал вид, что читаю полевой дневник. На самом деле листал белые страницы и думал... О том, что приехал в степь, чтобы отдохнуть от людей, а здесь людей оказалось даже больше, чем в городе. И одна из них смотрит на меня так, что хочется то ли бежать, то ли остаться рядом навсегда.

— Можно? — Анна подошла неслышно, села рядом на песок. Волосы еще влажные, на плечах — капли воды. От нее пахло рекой и солнцем. — Вы один сидите. Нехорошо это.

— Мне хорошо, — сказал я. — Я люблю тишину.

— А я шум, — она улыбнулась. — Но сейчас хочу тишину. Можно, я здесь посижу?

— Посиди.

Молчали. Смотрели на воду, на ребят, на то, как солнце клонится к западу. Чай в термосе кончился, Сергей достал бутылку — я прищурился, но он только подмигнул и налил себе в кружку, потом подошел ко мне.

— Коньяк, — сказал он тихо, чтобы не слышали остальные. — Французский, между прочим. Местный мужик в соседнем селе гонит. Начальник, можно, по чуть-чуть? Взрослые же люди.

Я посмотрел на него, потом на бутылку. Запах был приятный — дуб, мед, что-то еще. В горле пересохло.

— По чуть-чуть, — разрешил я. — И чтоб никто в раскоп с похмелья не полез.

Сергей разлил по кружкам. Анне тоже налил — она сначала отказалась, но потом взяла, пригубила. Скривилась смешно, как ребенок от горького лекарства.

— Крепко, — сказала она, вытирая губы.

— Для настоящих полевииков, — усмехнулся Сергей и ушел разливать остальным.

Коньяк оказался хорошим — мягким, с дымком. Я пил медленно, маленькими глотками. Анна сидела рядом, вертела свою кружку в руках, иногда отпивала и каждый раз морщилась.

— Не нравится — не пей, — сказал я с очередным ее глотком.

— Хочу как вы, — ответила она. — Я достаточно взрослая для этого.

— Я пью не потому, что взрослый. Я пью, потому что...

Я замолчал, подбирая слова. Не говорить же ей, что пью, потому что голова болит от всего этого. От жены, от развода, от юристов, от того, что я трус и эгоист. И от того, что

молодая сидит рядом, влажная и пахнущая рекой, и я хочу ее поцеловать, но не могу.

— Потому что? — спросила она тихо.

— Потому что сегодня суббота, — сказал я и поднял кружку. — За выходные.

Она улыбнулась, чокнулась. Звякнули кружки.

_ * _ * _ * _

Вечер опускался быстро. Степное солнце садится стремительно — только что было высоко, и вот уже край касается горизонта, красит небо в малиновое и золотое.

Ребята собирали вещи, гасили остатки костра. Сергей, покрасневшийся от коньяка и внимания, все пытался занять Анну разговором — то про птиц спросит, то про планы на будущее, то про песню какую-то. Она отвечала вежливо, но без прежней живости. Взгляд ее все чаще находил меня.

Я стоял чуть поодаль, застегивал рюкзак. Коньяк делал свое дело — в голове было легко, почти пусто. Хорошее состояние, когда перестаешь контролировать каждую мысль.

— Проводите меня до лагеря? — голос Анны раздался у самого уха.

Я обернулся. Она стояла близко, смотрела серьезно. В сумерках ее лицо казалось бледным, глаза — темными-темными.

— Компанией пойдем, — ответил я.

— Я хочу не компанией, — сказала она тихо, почти шепотом. — Я хочу с вами.

Мое сердце сделало странное движение — то ли пропустило удар, то ли забилося втрое быстрее.

— Аня...

— Только поговорим, — перебила она. — Честное слово, только поговорим. Мне надоело, что вы все время отмалчиваетесь. Я хочу знать, что у вас в голове, что вы думаете обо мне... о нас.

— О нас? — переспросил я. — А есть «нас»? — она шагнула еще ближе. Я чувствовал ее дыхание — теплое, с легким привкусом коньяка.

— Я хочу, чтобы было, — сказала она. — А вы?

Я смотрел в ее глаза — в них не было кокетства. Было желание, то, от чего у меня перехватывало дыхание.

— Я не знаю, — сказал я честно. — Я ничего не знаю.

— Тогда давайте узнаем вместе, — она улыбнулась, взяла меня за руку. — Пойдемте?

Я оглянулся на ребят, они звенели посудой, собирая ее. На Сергея, который сворачивал плед, поглядывая в нашу сторону.

— Ладно, — сказал я. — Пойдем.

Мы пошли не по тропе, а вдоль реки, в сторону от лагеря. Трава была высокой, влажной от вечерней росы. Анна шла впереди, уверенно, как будто знала, куда ведет. Я — за ней, чувствуя, как перехватывает дыхание от запаха трав, реки и ее цветочного аромата.

Остановились у старой ивы, склонившей ветви к воде.

Здесь было тихо — слышно только реку и далекие голоса ребят.

Она повернулась ко мне. В полутьме ее глаза блестели — то ли от влаги, то ли от чего-то еще.

— Ну вот, — сказала она. — Мы одни. Теперь говорите. Что вы чувствуете, когда я рядом?

Вопрос был прямым, как лопата. Я не привык к таким вопросам. В городе все говорили намеками, полутонами, двусмысленностями. Здесь, в степи, все было проще. Но от этого — в разы страшнее.

— Я чувствую, — начал я и замолчал. Взял паузу, закурил дрожащими пальцами. — Я чувствую, что забываю, зачем приехал сюда.

— А зачем вы приехали? — спросила она.

Я посмотрел на нее долгим взглядом. Мог бы сказать про работу, про городище, про науку. Но врать не хотелось.

— Убежать, — сказал я. — Я приехал убежать от того, с чем не могу справиться там, — она кивнула, как будто ждала именно этого ответа.

— И как, получается?

— Пока нет. Потому что от себя не убежишь.

Она подошла ближе, взяла меня за руку — ту, в которой была сигарета. Аккуратно забрала ее, выбросила в траву.

— А может, не надо никуда бежать? Может, надо просто... быть здесь? Сейчас? — она подняла на меня глаза.

В свете уходящего дня, в этой тишине, у реки, она была

прекрасна. Не городской красотой — степной, древней. Как те женщины с раскопов, чьи серьги и бусы мы находили в курганах: бесстрашные, некогда живые, реальные.

Я протянул руку, коснулся ее щеки. Она замерла, не дышала. Кожа у нее была теплая, мягкая, и под моими пальцами бился пульс — частый, испуганный.

— Ты боишься меня? — спросил я шепотом.

— Нет, — выдохнула она. — Я боюсь, что ты меня поцелуешь. И что не поцелуешь. Одинаково боюсь.

Я наклонился.

В последний момент что-то кольнуло в груди — память, вина, голос, который кричал: «Ты еще не разведен! Ты еще не свободен!». Но пахло от нее рекой и детством, и степным вечером, и тем, чего у меня никогда не было — или было, но давно, в другой жизни.

Я поцеловал ее.

Робко сначала — просто касание губ. Она не ответила, но и не отстранилась. Стояла, закрыв глаза, и я чувствовал, как дрожат ее ресницы. А потом она ответила: порывисто, неумело, жадно — как будто боялась, что я передумаю. Обхватила меня за шею, прижалась всем телом, и я почувствовал, какая она маленькая и хрупкая на самом деле. И какая сильная.

Мы стояли под ивой, целовались, и я забыл, как меня зовут. Забыл про жену, про юриста, про квартиру, про развод. Осталась только степь, река, вечер и она — Марьянова, ко-

торая приехала на месяц и перевернула все, что я так старательно строил.

— Леша, — прошептала она, отрываясь от моих губ. — Леша, я... — я прижал палец к ее губам.

— Не говори ничего.

Она кивнула, уткнулась лицом мне в грудь. Мы стояли так долго. Вдалеке слышались голоса — кто-то звал нас к ужину. Надо было возвращаться. В лагерь и в реальность.

Но сейчас, в эту минуту, реальность была здесь: у реки, в ее руках, в том, как она дрожала, прижимаясь телом ко мне.

— Пойдем, — сказал я тихо. — Завтра будет тяжелый день.

— Я знаю, — она подняла голову. Глаза ее блестели — счастливые, испуганные, полные надежды и страха одновременно. — Но сегодня — хороший.

Мы пошли обратно. Я взял ее за руку — впервые открыто, не прячась. Она сжала мои пальцы в ответ.

У разведенного в лагере костра Сергей взглянул на нас, на наши сплетенные руки, и что-то дрогнуло в его глазах. Он отвел взгляд, налил себе остатки коньяка.

Анна села рядом со мной — ближе, чем обычно. Я чувствовал тепло ее плеча. Ребята что-то говорили, смеялись. Но для меня весь мир сузился до точки соприкосновения наших рук.

Ночью, когда все разошлись, я сидел на крыльце барака, курил. Телефон молчал. И это молчание вдруг показалось

мне зловещим. Не бывает, чтобы Маша молчала так долго. Значит, что-то готовит? Или просто решила, что игра не стоит свеч?

В любом случае, завтра наступит утро. И мне придется смотреть в глаза Анне, и в глаза Сергею, и в глаза собственной совести.

А пока — тишина, звезды и запах дыма.

Хороший был день. Плохой, но хороший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.